

УДК 94:15/18

Роль национальных стереотипов и «тени прошлого» в англо-французских отношениях в 20-е годы

Магадеев Искандэр Эдуардович

Аспирант,

исторический факультет,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

119992, Россия, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4;

e-mail: iskander2017@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются роль и характер воздействия национальных стереотипов и опыта истории на отношения Великобритании и Франции в 20-е гг. прошлого века. Основываясь на материалах британского Национального архива и французских дипломатических документах, автор раскрывает негативное влияние указанных факторов, а также их место в совокупности военно-политических отношений двух государств. В заключении делается вывод о том, что хотя национальные стереотипы и «тень прошлого» не являлись определяющими факторами в англо-французских отношениях, они играли существенную роль: служили одним из источников взаимных подозрений и недоверия, не давали ясно представить себе интересы другой стороны, грозили обрести «собственную жизнь» после окончания конфликтов.

Ключевые слова

Стереотипы, прошлое, французы, британцы, международные отношения.

Введение

Количество факторов, влияющих на отношения между государ-

ствами, огромно – любой исследователь международных отношений (далее – МО) принимает в расчет не всю их совокупность, а выделяет для

себя ключевые из них. Осуществляя подобную выборку, он часто следует или иной научной парадигме. В рамках доминирующей в теории МО парадигмы – политического реализма – главными предстают такие факторы, как относительная мощь государств, часто анализируемая в терминах «баланса сил» (равновесия мощи), характер устройства международной системы (многополярная, биполярная и т.д.), понятие национального (государственного) интереса¹. В наиболее упрощенном виде в данной модели государства изображаются как «бильярдные шары»: для понимания их отношений главное знать «массу» каждого из них, выражающуюся в государственной мощи².

Историки МО, в отличие от многих теоретиков, всегда делали больший акцент на «человеческой» стороне вопроса: для них было очевидно, что внешнюю политику государства³

проводят живые люди, действующие в конкретной внутри- и внешнеполитической обстановке, имеющие свои идеи и идеалы (в том числе и национально окрашенные), влияние на которые оказывают не только представления о настоящем и будущем, но и опыт истории («тень прошлого»)⁴. С очередным возрастанием интереса к такой парадигме теории МО, как конструктивизм, развитием «неоклассического реализма» в 1990-2000-е гг. подобные моменты все больше учитываются и теоретиками.

Целью данной статьи является выявление роли национальных стереотипов и опыта истории в отношениях Великобритании и Франции в 20-е гг. прошлого века. Традиционно им уделялось не так много внимания, но в 1990-2000-е гг. исследователи все активнее стали обращаться к данным факторам и пытаются определить их место в англо-французских отношениях⁵. Предлагаемая читателю ста-

1 Более подробно о ключевых положениях политического реализма см.: Legro J.W., Moravcsik A. Is Any body Still a Realist? // *International Security*. – 1999. – Vol. 24. – No. 2. – P. 12-18.

2 Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962.

3 Важно отметить, что ряд теоретиков противопоставляет изучение внешней политики государства анализу системы МО. См.: Waltz K.N. *International Politics*

Is Not Foreign Policy // *Security Studies*. – 1996. – Vol. 6 – No. 1 – P. 54-57.

4 Стоит отметить, что последний фактор учитывается и в теоретических разработках. См.: Reiter D. *Learning, Realism, and Alliances: The Weight of the Shadow of the Past* // *World Politics*. – 1994. – Vol. 46. – No. 4. – P. 490-526.

5 Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion?' French Perceptions of Britain as an Ally after the

тъя, основанная на новых для российской историографии материалах Национального архива Великобритании, французских дипломатических документах, должна продолжить серию данных исследований, а также способствовать углублению нашего понимания роли национальных стереотипов и «тени прошлого» в межгосударственных отношениях в XX веке.

Наследие прошлого

Великобритания и Франция встретили окончание Первой мировой войны в незнакомом для себя качестве — в качестве союзников. На протяжении немалой части своей истории они были врагами и соперниками — именно в этой роли они привыкли иметь дело друг с другом. Этот исторический опыт «общения» накладывал существенный отпечаток

на состояние англо-французских отношений в 20-е гг. В своих мемуарах британский посол во Франции в 1920-1922 гг. лорд Ч. Хардинг подчеркивал: Франция — это наследственный враг Великобритании и постоянная угроза ее безопасности⁶. В подобной оценке он был далеко не одинок. В декабре 1919 г. о «закоренелой ненависти» французов к англичанам упоминал полковник Р. Мейнерцхаген, помощник главнокомандующего британскими силами на Ближнем Востоке фельдмаршала Э. Алленби⁷. В 1924 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Э. Кроу с предельной ясностью писал: «Необходимо помнить, что на протяжении прошедших ста лет Франция была историческим и естественным врагом Англии и что настоящая дружба между двумя странами всегда была затруднена из-за различий в языке, ментальности и национальном характере. Эти различия вряд ли уменьшатся. Малейший инцидент может пробудить французское

First World War. / Intelligence and National Security. — 1998. — Vol. 13. — No. 1. — P. 37-52; Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation. / Ed. by A. Sharp and G. Stone. — New York: Routledge, 2000; Britain, France and the Entente Cordiale since 1904. / Ed. by A. Capet. — Basingstoke: Palgrave, 2006. Статус классической в этом отношении получила работа: Cairns J.C. A Nation of Shopkeepers in Search of a Suitable France: 1919-40. // The American Historical Review. — 1974. — Vol. 79. — No. 3. — P. 710-743.

---

6 Boyce R. Behind the façade of the Entente Cordiale after the Great War / Britain, France and the Entente Cordiale. — P. 51.

7 Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918-1923. — М.: Изд-во Университет Дмитрия Пожарского, 2010. — С. 181-182.

возмущение или зависть и разжечь пожар из тлеющих углей подозрения»⁸.

Такие мысли были не только у руководства Великобритании. В ноябре 1923 г. председатель французского Совета министров Р. Пуанкаре заявил Сенату: «Я считаю, что Антанта является абсолютной необходимостью... Но у меня нет иллюзий по поводу действительных чувств Великобритании в отношении Франции. Она есть то, чем была всегда: нашим великим соперником, который будет с нами, если он нуждается в нас так же, как мы нуждаемся в нем»⁹.

Необычность ситуации 1919 г. для многих британцев была связана и с тем врагом, победу над которым вместе с Францией одержала их страна. Германия для целого ряда общественных и политических деятелей была намного «ближе» Франции в культурных, мировоззренческих и личных отношениях. Как пишет К. Морган о британском премьер-министре Д. Ллойд Джор-

дже, с 1908 г. «вероятно до конца жизни, не считая времени двух мировых войн, Германия, а не Франция была его заграничным идеалом»¹⁰. Кроу, чья мать была немкой и который получил образование в Германии, первый раз побывал в Англии в 18 лет и, по воспоминаниям многих коллег, до конца жизни говорил на английском языке с акцентом¹¹.

Исторический опыт взаимоотношений Великобритании и Франции был закреплен не только в масштабных событиях прошлого, таких, к примеру, как Фашодский кризис 1898 г., символизировавший состояние двух государств на грани конфликта, но и в личном опыте и памяти политических деятелей. Англо-французское противостояние было частью процесса их социализации и развития политической карьеры. Как писал в своих мемуарах Р. Ванситтарт, в 1930-1937 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел, «викторианская Англия, в которой я вырос, была практически полностью настроена

8 Committee of Imperial Defence (далее – CID) Paper 174-A, The Channel Tunnel, May 22, 1930 / National Archives of Great Britain, Cabinet Papers (далее – NA, CAB), 24/212.

9 Sharp A. Anglo-French relations from Versailles to Locarno, 1919-25: The quest for security / Anglo-French Relations. – P. 134.

10 Morgan K.O. Lloyd George and Clemenceau: Prima Donnas in Partnership / Britain, France and the Entente Cordiale. – P. 30.

11 Neilson K., Otte A. The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854-1946. – New York: Routledge, 2009. – P. 162.

антифранцузски»¹². Лорд Риддел, секретарь Ллойд Джорджа, записал следующие слова премьер-министра в своем дневнике в июне 1920 г.: «Нельзя абсолютно доверять французам. Кто знает, быть может, однажды они станут нашими противниками. Я провел в Палате общин тридцать лет, и за это время французы часто находились на волосок от объявления нам войны»¹³.

Отсылки к историческим и «неизменным» принципам британской политики в своей записке от 5 июня 1920 г. делал и Ж. Сэйду, помощник директора управления политических и торговых дел французского МИДа. Он писал: «Мы не можем... жить рядом с Германией постоянно в состоянии угрозы; именно к этому стремится Англия, видящая в нас главную державу в Европе, и желающая противопоставить Франции для поддержания европейского равновесия государство, которое она считает вторым по силе, то есть Германию. Никакой союз не сможет преодолеть этот старый принцип, прочно запечатленный в английской душе на протяжении веков»¹⁴.

12 Sharp A., Stone G. Introduction / Anglo-French Relations. – P. 2.

13 Фомин А.М. Указ.соч. – С. 140.

14 Note de la Direction politique et commerciale pour Millerand, 5 juin 1920/ Documents diplomatiques français. 1920.

В начале 20-х гг. шансы на изменение тяжелого исторического опыта отношений Великобритании и Франции были малы. Ситуация скорее усугубилась «свежим» расхождением по поводу оценок роли каждого государства в победе в Великой войне. Англичане делали акцент на материальном вкладе Британской империи в победу, приводя данные по потерям в финансах, тоннаже торгового флота и т.д. Французский премьер Ж. Клемансо, в свою очередь, пытался использовать факт людских потерь Франции и разорения ее северо-восточных департаментов в целях укрепления собственной дипломатической позиции. Публика и во Франции, и в Великобритании с недовольством воспринимала попытки другой стороны заявить о своей ключевой роли в войне. Как писал британский посол во Франции в 1922-1928 гг. лорд Крю, «вряд ли может быть оспорено то, что общественное мнение во Франции время от времени раздражается от чрезмерных утверждений, явных или имплицитных, о роли, сыгранной Британской империей во время войны»¹⁵.

Tome II. – Paris: Imprimerie Nationale, 1999. – P. 104.

15 Crewe to Chamberlain, 18 November, 1927 // Documents on British Foreign

Совместное ведение войны «создало» такой немаловажный ресурс для потенциального улучшения отношений, как общая память о жертвах и боевом опыте. Политики признавали роль подобного фактора. Пуанкаре в феврале 1922 г. писал о том, что «память об общих жертвах двух государств в ходе славных сражений, которые они вели бок о бок на всем протяжении самой жесткой из войн, жива как в Англии, так и во Франции»¹⁶. Его британский коллега С. Болдуин в сентябре 1923 г. подчеркивал, что «вряд ли найдется хоть кусок земли на северо-востоке Франции, где не лежали бы наши сыновья и братья – и о них никогда не забудут»¹⁷.

Однако и здесь были свои препятствия. Совместная война с Германией не способствовала серьезному углублению знакомства французов и англичан, не принесла плюсов, связан-

ных с «привыканием» к друг к другу. Несмотря на то что армии двух государств воевали бок о бок на западном и иных фронтах, они редко вступали в контакт. Как отмечает Д. Даттон, «возможно, ключевой проблемой было то, что большинство французских и британских солдат просто не контактировали друг с другом. В частности, на западном фронте армии двух государств вели отдельные войны, разделенные не только культурой, языком и историей, но и диспозицией на поле битвы»¹⁸.

Все это приводило к тому, что война 1914-1918 гг. представлялась многим краткой цезурой в извечном и «естественном» соперничестве Великобритании и Франции. Казалось бы «крамольные» для недавних союзников упоминания о возможной войне друг с другом отнюдь не были редкостью. Английский писатель и фронтовик Р. Грейвс в своей автобиографии «Прощай все это» (1929 г.) писал, приводя слова своего товарища: «Все, больше никаких войн для меня! За исключением войны с французами». И

Policy. Series Ia. Vol. IV. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1971. – P. 96.

16 Memorandum concerning the amendments to be made in the British draft treaty between France and Great Britain, February 1, 1922/ NA, CAB/24/132.

17 Transcript of Poincaré-Baldwin conversation, 19 September, 1923 / Baldwin Papers: a Conservative Prime Minister, 1908-1947 / Ed. by P. Williamson and E. Baldwin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 105.

---

18 Dutton D. Britain and France at war, 1914-1918 / Anglo-French Relations. – P. 83. Британская армия занимала северный участок фронта, в то время как французские войска располагались южнее.

добавлял: «Некоторые студенты настаивают даже на том, что мы сражались не на той стороне: наши естественные враги – французы»¹⁹.

Любопытный диалог состоялся вскоре после окончания войны между Ллойд Джорджем и французским министром иностранных дел А. Брианом в Рамбуйе. Стремясь сыграть на близости жителей Корнуолла и Бретани, Ллойд Джордж, сам валлиец, отметил: «Ваши соотечественники из Бретани отличились во время войны». «Откровенно, как кельтское железо из-под валлийского бархата, – пишет французская журналистка Ж. Табуи, – последовал ответ: «Но это же естественно! Они были под впечатлением, что сражаются против англичан!»²⁰.

Итак, «тень прошлого» явно не способствовала улучшению англо-французских отношений в 20-е гг. Это вполне объяснимо и понятно в контексте исторического соперничества двух государств. Более парадоксальным и любопытным было то, что и совместное ведение Первой мировой войны

стало толчком для новых обид, претензий и не только не смогло «потушить» костер давнего соперничества, но и подкинуло в него новых поленьев.

Стена национальных стереотипов

Схожая тенденция наблюдалась и в характере влияния на отношения Великобритании и Франции в 20-е гг. такого фактора, как национальные стереотипы. История их формирования и развития шла бок о бок с историей англо-французского соперничества. Более того, историк Л. Коллей в своем исследовании «Британцы. Становление нации: 1707-1837 гг.» пришла к выводу о том, что «чувство национальной идентичности у британцев» было сформировано именно «во время так называемой второй столетней войны с Францией (на самом деле растянувшейся на 130 лет – от Девятилетней войны 1689-1697 гг. до окончания войн с Наполеоном в 1815 г.)»²¹.

Национальные стереотипы играли немаловажную роль в вос-

19 Cairns J.C. Op. cit. – P. 711; Gibson R. Best of Enemies: Anglo-French Relations since the Norman Conquest. – London: Sinclair, 1995. – P. 236.

20 Tabouis G. Perfidious Albion – Entente Cordiale. – London: Butterworth, 1938. – P. 1.

21 Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 124.

приятии мира британскими политиками 20-х гг. Далеко не все из них соответствовали модели «рационального фактора», рисуемой политика как своеобразный калькулятор по подсчету издержек и преимуществ от того или иного действия. Удивительно, с какой готовностью многие из них осмысливали противоречия в отношениях с Францией путем отсылок к таким «нерациональным» понятиям, как «раса», «ментальность», «женственность», «эмоциональность». В январе 1921 г. лорд Хардинг писал в своем дневнике: британцы – это англосаксы, французы – латиняне, а «с латинскими расами прежде всего надо вести себя твердо, единственное, что имеет значение для них, это вопрос формы»²². Секретарь кабинета министров и Комитета имперской обороны М. Хэнки в период обсуждения идеи туннеля под Ла-Маншем в 1930 г., одним из ярых оппонентов которой он был, отмечал: «...воинственное отношение французов вместе с импульсивностью латинского характера являются факторами, которые нельзя недооценивать при обсуждении проекта туннеля под Ла-Маншем»²³.

22 Boyce R. Op. cit. – P. 54.

23 CID Paper 174-A, The Channel Tunnel, May 22, 1930 // NA, CAB/24/212.

Схожую тему невыносимого «латинского характера» развивал и Кроу в своем меморандуме в декабре 1921 г. Он писал о том, что сложности в отношениях с Францией происходят «частично из-за традиций французской дипломатии, но еще более – из-за ментальности французской расы, которая фундаментально отличается от британской ... Возможно, эта разница может наилучшим образом быть определена как контраст между британской привычкой решать текущие дипломатические проблемы по мере их возникновения и в зависимости от конкретного случая и французской практикой подчинять даже самые тривиальные вопросы общим соображениям о целесообразности, основанным на далеко идущих планах по неослабевающему поддержанию французского престижа и удовлетворению частных, в основном денежных и часто откровенно корыстных, интересов или амбиций, нередко преследуемых без учета обычных правил прямого и честного обращения, что является невыносимым и оскорбляющим нормальные британские инстинкты...»²⁴.

Как можно заметить, помимо традиционных упреков в адрес «ла-

24 Boyce R. Op. cit. – P. 54.

тинского характера» французов, Кроу вышел и на еще одну тему: противопоставление британской привычки инстинктивно решать дела по мере поступления – извечное *muddle-through*²⁵ – и французскую приверженность логике, рационализму. Эту тему развивал и бывший министр иностранных дел О. Чемберлен в 1930 г.: «Мы решаем практические вопросы повседневной жизни скорее инстинктивно, нежели путем тщательного процесса размышления, скорее практическим способом, чем при помощи систематической логики. Француз, доверяя мысли, стремится предвидеть каждый случай и заранее регулировать любое действие; англичанин, сомневаясь во всем чисто интеллектуальном и больше осознавая роль случайностей, доверяет своему опыту при принятии правильного решения в критический момент и изменяет ход своих действий в соответствии с тем, как меняется ветер»²⁶.

В приведенной выше цитате из меморандума Кроу 1921 г. явно присутствует и еще одна мысль: мнение о низ-

ких моральных качествах французов. Набор грехов, в которых британские политики обвиняли французов, был достаточно велик. Первым среди них можно назвать вероломство, интриганство и неумение держать свое слово – один из страшнейших проступков для британских консерваторов, вышедших из среды аристократии. Хорошую почву для обвинений в вероломстве давали англо-французские противоречия в отношениях с Турцией, с которой Франция, не проинформировав Лондон, заключила в 1921 г. Анкарский договор, завершавший ее войну с кемалистами. Сложность для французов заключалась в том, что британская разведка перехватывала французские телеграммы из Константинополя, что позволяло политикам в Лондоне сверять то, что им официально говорили французы, с реальным состоянием дел. После Парижской конференции по ближневосточным вопросам в марте 1922 г. министр иностранных дел Д.Н. Керзон писал Хардингу: Пуанкаре – это «вероломное существо... как только конференция в Париже закончилась, он пошел и воткнул нам нож в спину. Дорогой Чарли, я не представляю, как иметь дела с такими людьми...»²⁷.

25 Буквально – «кое-как, с грехом пополам довести дело до конца».

26 Chamberlain A. Great Britain as a European Power // Journal of the Royal Institute of International Affairs. – 1930. – Vol. 9. – No. 2. – P. 180.

27 Jeffery K., Sharp A. Lord Curzon and Secret Intelligence / Intelligence and

Слова Керзона могут показаться мягкими при сравнении с оценками, которые давали Пуанкаре Хардинг («грязный пес, человек очень низкого характера») и его предшественник на посту посла в Париже лорд Дерби («очень подлое, ограниченное создание... со счастливой способностью говорить самые приятные вещи в самой агрессивной манере»)²⁸.

Вторым хорошо знакомым упреком в адрес французов было их обвинение в распущенности. Времена, когда венерические заболевания называли «парижским гриппом», в Лондоне помнили хорошо. Лейбористский политик Х. Далтон записал в своем дневнике в июле 1931 г. следующую фразу, в которой интимные и политические вопросы были переплетены в любопытной игре смыслов: «С викторианской точки зрения, французы упражнялись во всех оккультных сексуальных практиках и были самыми безнравственными людьми на земле. Современный взгляд остался тем же, за исключением того, что сексуальный аспект стал политиче-

ским. Если вы поедете в Париж, вы обязательно схватите какое-нибудь политико-венерическое заболевание. Они заразят вас своими идеями и своими требованиями гарантий [безопасности]»²⁹. Старые стереотипы о распущенности явно отзывались и в голове премьера Р. Макдональда, который, сталкиваясь в 1930 г. с требованиями Франции получить дополнительные гарантии безопасности до начала сокращения своих вооружений, с раздражением записал в своем дневнике: «Безопасность превратилась в самое постыдное слово в языке. Безопасность – это французская проститутка»³⁰.

Другой «претензией» к французам, распространенной в британских политических кругах, было обвинение их в юридическом «крючкотворстве». Так, Кроу подозревал, что «Франция имеет юридический департамент на Кэ д'Орсэ, главным делом которого является подробное изучение и анализ всех договоров, в которые она вступает, слово за словом, с той целью,

---

International Relations, 1900-1945 /
Ed. by C. Andrew, J. Noakes. – Exeter:
University of Exeter Press, 1987. – P. 112.

28 Keiger J.F.V. Raymond Poincaré. –
Cambridge: Cambridge University Press,
2002. – P. 293.

---

29 Webster A. Entente and Argument: Britain,
France and Disarmament, 1899-1934 /
Britain, France and the Entente Cordiale. –
P. 76, note 24.

30 Kitching C. The search for disarmament:
Anglo-French relations, 1929-1934 /
Anglo-French Relations. – P. 161.

чтобы находить в них “дыры”... для дальнейшего их использования»³¹.

Когда в мае-июне 1922 г. Пуанкаре предложил спорную интерпретацию одного из мест в ноте своего предшественника А. Мильерана от 1920 г., она была охарактеризована Керзоном, как упражнение в «юридических тонкостях», и заклеимена Хардингом, как «подлая словесная уловка» (*unworthy quibble*)³².

Французы часто представляли в британских документах как чересчур эмоциональные и почти неуравновешенные люди. Лорд А.Д. Бальфур попросту называл французов людьми, у которых присутствуют «психологические расстройства»³³. В одном из материалов, подготовленном департаментом политической разведки Форин-Оффиса, говорилось: «Франция, возможно, обладает чувством единства и осознания национальной жизни, наиболее сильным, чем в любой другой стране мира. Рассказывают историю о женщине, которая ждала своего мужа среди военнопленных, вернувшихся инвалидами из Германии в середине

войны. Видя, что ее мужа среди них нет, она спросила, где он, и услышала, что он умер. Услышав это, она подняла ребенка на руки и воскликнула: «Да здравствует Франция!» Это вряд ли могло случиться в Англии, возможно, ни в одной стране в мире. Объяснение тому не только в определенном элементе театральности, присущему французскому характеру, но и в подлинной страстной любви к Франции, которую любят как любовника или любовницу, в такой форме, параллели которой, возможно, нет нигде в Европе»³⁴.

Сравнение Франции с женщиной было далеко не единичным. Образ Франции-женщины и вытекающие отсюда параллели были хорошо укоренены в сознании британских политиков. Как только лорд Ридделл заговорил о том, что, возможно, французам надо дать дополнительные гарантии безопасности, Ллойд Джордж нашел объяснение его словам: «Вы попали под обаяние французских женщин»³⁵.

Один стереотип мог получать различное «звучание» в зависимости

31 Neilson K., Otte A. Op. cit. – P. 177.

32 Curzon to Hardinge, May 14, 1922 / NA, CAB/24/136; Hardinge to Curzon, June 16, 1922 / NA, CAB/24/137.

33 CID, Minutes of the 192nd Meeting, December 16, 1924// NA, CAB/24/172.

34 Foreign Office (далее – FO), Political Intelligence Department, Memorandum on the Political Situation in France, April 3, 1919. // NA, CAB/24/78.

35 Cairns J.C. Op. cit. – P. 713; Gibson R. Op. cit. – P. 228.

от политических убеждений и программы того или иного деятеля. Чемберлен говорил о том, что он «любил Францию как женщину». Из уст «самого профранцузкого члена правительства», так министр иностранных дел сам себя называл³⁶, эта фраза звучала как дополнительное подкрепление его политики по частичному учету французских интересов в области безопасности, которая стала важным фактором на пути к Локарнским соглашениям 1925 г.

Иной смысл в сравнение Франции с женщиной вкладывал лорд Томпсон, глава министерства военно-воздушных сил – политического органа, отличавшегося ярко выраженным антифранцузским настроением в 20-е гг. В июле 1929 г. министр говорил: «Французы в основе своей женственны, и твердость – это единственный способ управляться с ними»³⁷. Из его уст сравнение с женщиной звучало как призыв к более жесткой политике по отношению к Франции и отказ удовлетворить ее требования новых гарантий безопасности.

36 McKercher B.J.C. Austen Chamberlain and the Continental Balance of Power: Strategy, Stability, and the League of Nations, 1924-1929 // *Diplomacy & Statecraft*. – 2003. – Vol. 14. – No. 2. – P. 215.

37 Webster A. Op. cit. – P. 69.

Если для британских политиков различные политические шаги Франции интерпретировались в контексте «латинской расы», вероломства, психологической неуравновешенности, распушенности, сравнения с женщиной, то для стереотипов французских политиков ключевыми были образ «коварного Альбиона» и угроза доминирования англосаксов в мире. Укреплению первого из них серьезно поспособствовало «исчезновение» (после отказа США ратифицировать Версальский договор в 1920 г.) англо-американской гарантии безопасности, обещанной Франции на Парижской конференции взамен ее отказа от требования отделить левый берег Рейна от Германии. Именно на наличии подобной гарантии в сентябре 1919 г. делал акцент А. Тардьё, убеждая французскую Палату депутатов ратифицировать Версальский договор³⁸.

Осенью 1919 г. раздраженный политиком Великобритании Клемансо говорил о том, что никому из ан-

38 Discours prononcé par Tardieu, commissaire du Gouvernement, à la Chambre des députés, 2 septembre 1919 / Documents Diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 – 7 décembre 1923) (далее – DD. Garanties). – Paris: Imprimerie Nationale, 1924. – P. 66, 70.

глийских политиков нельзя доверять и восклицал: «Англия – это разочарование моей жизни!»³⁹. В 1922 г. уже в отставке Клемансо, совершавший турне по США, не раз в своих выступлениях говорил о том, что Англия, отказавшись от гарантийного договора 1919 г., нарушила данное ею слово. Подобные обвинения вызывали серьезное раздражение у англичан⁴⁰. Клемансо явно неучел слов своего многоопытного коллеги П. Камбона, в 1898-1920 гг. посла Франции в Лондоне, предупреждавшего, что в отношениях с англичанами нельзя «создавать впечатления, что вы сомневаетесь в их честности»⁴¹.

Разговор об англосаксах чаще всего начинался тогда, когда французские политики и военные оказывались перед лицом возможного противодействия Великобритании и США их собственным устремлениям. Маршал Ф. Фош, скептически относившийся к планам создания Лиги Наций, говорил о ней как о «нездоровой англо-саксонской фантазии, вряд ли имеющий какое-либо практическое

значение»⁴². В 1929 г. в преддверии Лондонской конференции по морским вооружениям 1930 г. и вспоминая неприятный для французов опыт Вашингтонской конференции 1921-1922 г. Ф. Дарлан, глава кабинета военноморского министра с 1926 г., писал о том, что согласие на равенство флотов с итальянцами будет «окончательным отречением Франции от своих прав на морях: мы предоставим англосаксам свободу осуществлять контроль над морскими коммуникациями исключительно ради их собственной выгоды»⁴³. Ему вторил другой военный деятель, маршал Ю.-Л. Лиоте: «В действительности мы одни, так как Англия, хозяйка морей, хозяйка наших коммуникаций ... думает, что мы находимся в ее милости ... и обращается с нами, примерно как с Португалией...»⁴⁴.

Идея о том, что англосаксы – владельцы морей – не понимают нужд безопасности Франции, связанных с ее континентальным, «сухопутным»

39 Hanks R.K. Georges Clemenceau and the English // *The Historical Journal*. – 2002. – Vol. 45. – No. 1. – P. 76-77.

40 Ллойд Джордж Д. Мир ли это? – М.: Либроком, 2009. – 2-е изд. – С. 23.

41 Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion'. – P. 50.

42 Henig R. Britain, France and the League of Nations in the 1920s. / *Anglo-French Relations*. – P. 144.

43 Clayton A. Growing Respect: the Royal Navy and the Marine Nationale, 1918-1939 / *Anglo-French Defence Relations between the Wars*. / Ed. by M.S. Alexander, W.J. Philpott. – Basingstoke: Palgrave, 2002. – P. 46, note 28.

44 Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion'. – P. 49.

положением была важна для французских политиков. Во время обсуждения на Парижской конференции требования о западной границе Франции по Рейну французская делегация мотивировала его желанием обеспечить «на суше» ту же безопасность, которой обладают США и Великобритания благодаря своему превосходству на морях⁴⁵. Любопытно отметить, что подобная антитеза (морские – сухопутные государства) в другом контексте будет активно использоваться самими англичанами. В годы Второй мировой войны У. Черчилль и Э. Иден не раз будут жаловаться на советских политических и военных деятелей некомпетентных, как им представлялось, в военно-морских вопросах и на сложности объяснить «русским – земным животным» специфику вклада в борьбу с общим врагом со стороны британцев – «морских животных»⁴⁶.

Не все в Великобритании оставались глухи к претензиям францу-

зовна большую безопасность. Публицист Д. Джексон, рассуждая о потерях и ущербе, нанесенном Франции во время войны, отмечал: «Англичанам, не знавшим сколько-нибудь серьезного нападения на их страну с 1066 г., и американцам, отделенным от их возможных противников океаном, трудно понять, что это значит. Им легко посмеиваться над страхом французов за свою безопасность. После 1918 г. сами они сделали очень мало, чтобы помочь Франции обеспечить ее безопасность»⁴⁷.

В схожем ключе рассуждал и Б. Шоу, который писал в 1919 г.: «Достаточно легко сидеть за британским флотом или на спокойной стороне Атлантики и просить жителей Пикардии и Бельгии чувствовать себя в безопасности в новом мире, где они находятся в радиусе действия Большой Берты и в нескольких минутах от самолетов, сбрасывающих на спящие города бомбы, сотрясающие землю»⁴⁸.

Во Франции хорошо знали о традиционном британском противопоставлении «галльской логики» и инстинктивного английского muddle-through. После долгой работы по-

45 *Mémoire du gouvernement français sur la fixation au Rhin de la frontière occidentale de l'Allemagne et l'occupation interalliée des points du fleuve*, 25 février 1919 / DD. Garanties. – P. 23, 29.

46 Edén to Churchill, 25th September, 1942 // NA, FO 954/3A; House of Commons. *Parliamentary Debates. Series 5. Vol. 383. Col. 95* (выступление Черчилля от 8 сентября 1942 г.).

47 Джексон Д. *Послевоенный мир*. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 23.

48 Gibson R. *Op. cit.* – P. 228.

слом Камбон пришел к следующему выводу: «Это ребячество строить долгосрочные политические планы с людьми, которые не любят гипотезы и живут только настоящим; как и они, мы должны сосредоточиться на текущих проблемах»⁴⁹. Пуанкаре, однако, не был готов согласиться с британской критикой. Он отмечал, что «британское правительство часто обвиняет французское правительство в том, что оно угождает себя абстрактными теориями и не учитывает достаточным образом реалии экономического и финансового характера». Французский премьер доказывал, что его правительство подобные реалии как раз и учитывает, отводя британскую критику своей репарационной политики тем, что Франция и Бельгия обладают большей долей на германские репарации, чем Великобритания: «Если мы рассмотрим вопрос как деловые люди, что можно сказать об акционерном обществе, где акционеры, обладающие 60% акций, могут оказаться в меньшинстве по воле тех, кто обладает лишь 20%?»⁵⁰.

Итак, какую же роль играли национальные стереотипы в англо-

французских отношениях 20-х гг.? Для оценки влияния данного фактора полезной является мысль, высказанная американским исследователем Д. Васкесом. Исследуя характер проблем, спор вокруг которых с наибольшей вероятностью ведет к войне между государствами, он пришел к следующему выводу: «Вопросы, затрагивающие противоречия трансцендентного свойства, являются наиболее трудными для разрешения, так как они отражают фундаментальные различия в отношении ценностей, норм и/или правил игры»⁵¹.

И британские и французские политики часто осмыслили политические шаги друг друга в нерациональных категориях, активно используя национальные стереотипы (латинская vs. англо-саксонская «раса» и т.п.). Это способствовало тому, что отдельные противоречия могли быстро возводиться до уровня столкновения непримиримых ценностей и норм, что не способствовало улучшению двусторонних отношений.

Как показывает история англо-французских отношений 20-х гг., национальные стереотипы — очень удобный, в определенном смысле,

49 Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion'. — P. 41.

50 Poincaré à Crewe, 20 août, 1923 / NA, CAB 24/161.

51 Vasquez J. The War Puzzle. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 78.

инструмент. Они позволяли многим британским и французским политикам давать легкие ответы на сложные вопросы как для себя самих, так и для общественности. Одной ссылкой на «галльскую логику» многие в Лондоне отделялись от сложнейшей проблемы британских гарантий французской безопасности. При этом национальные стереотипы давали не только легкий, но чаще всего и неверный ответ на поставленный вопрос.

Приверженность французских политиков к строгой кодификации международных гарантий безопасности, приведение их в систему с четкой внутренней логикой вполне можно объяснить и без ссылок на «национальный характер», обратив внимание на: (а) особенности французской системы образования, со времен Великой революции XVIII века, нацеленной на развитие у учащихся аналитических способностей, умения рационально выстраивать свои мысли в законченные логические модели; (б) оценку французскими политиками степени безопасности Франции. Они считали ее низкой, постоянно подверженной рискам. Их стремление к четкой кодификации гарантий безопасности предстает в этом отношении вполне логичным, ведь, как отмечал фран-

цузский социолог П. Бурдьё, «можно считать общим законом: чем более опасна ситуация, тем более стремятся кодифицировать практику. Степень кодификации варьируется вместе со степенью риска»⁵².

Еще одна опасность национальных стереотипов заключалась и в том, что они, тесно связанные с конкретными политическими противоречиями двух стран, могли с течением времени обрести «собственную жизнь» и осложнять отношения уже после того, как изначальные основания для конфликта исчезли. Как отмечал французский писатель А. Моруа, «национальная память очень цепкая. Далеко не в одной французской провинции между 1919 и 1939 годами, когда я с уверенностью говорил о британской дружбе, я наталкивался на неуловимую, раздражительную и стойкую память о Столетней войне»⁵³.

Возможен был, однако, и иной путь трансформации: изменение политической обстановки отодвигало фактор национальных стереотипов на второй план. Любопытно сравнить слова записки Сэйду от 1924 г. с теми,

52 Бурдьё П. Кодификация // Бурдьё П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 120.

53 Gibson R. Op. cit. – P. 248.

что были приведены выше. В условиях ослабления Франции после Рурского кризиса 1923 г., усиления роли на международной арене Великобритании и США, стремления самого Сэйду сместить приоритеты с вопросов безопасности на вопросы репараций, отказаться от усиленной поддержки «тыловых союзников» (Польши, Чехословакии, Румынии) он уже иначе писал о «старом принципе» баланса сил, «прочно запечатленном в английской душе» (слова 1920 г.). «[Франко-британское согласие] может быть установлено, и Англия забудет свою привычку группировать все отдельные государства против Франции при условии, что *Франция сама* прекратит всякие действия, подкрепляющие точку зрения о том, что она преследует политику окружения или разрушения Германии»⁵⁴.

Заключение

Пример Сэйду хорошо демонстрирует, что каким бы существенным ни было влияние национальных стереотипов и «тени прошлого» на англо-французские отношения 20-х гг., оно

все же не было решающим. В большинстве случаев указанные факторы в своем значении уступали традиционным соображениям, связанным с государственной мощью, влиянием, интересами. Вместе с тем, их роль (в рассмотренном примере – главным образом, негативную) нельзя недооценивать. Конфликтный опыт истории в отношениях Великобритании и Франции затруднял налаживание их партнерства в 20-е гг., позволял политикам вписывать любое противоречие в череду прошлых конфликтов, служил одним из источников взаимных подозрений и недоверия.

Национальные стереотипы действовали в схожем направлении. Легкие ответы, основанные на них, часто уводили политических деятелей в сторону от сложных проблем, не давали ясно представить себе интересы другой стороны, возводили локальные конфликты к непримиримым противоречиям характеров и «рас», грозили обрести «собственную жизнь» после окончания конфликтов и еще долгое время оказывать свое негативное влияние.

Наконец, нельзя недооценивать их роль и в процессе формирования государственных интересов. Представление о себе и о других было важным звеном в процессе формулирования и принятия политических решений.

54 Jordan N. The Reorientation of French Diplomacy in the mid-1920s: the Role of Jacques Seydoux // English Historical Review. – 2002. – Vol. 117. – No. 473. – P. 874. Курсив мой.

В этом отношении между традиционными реалистскими факторами и теми, что были рассмотрены в данной статье, нет непреодолимой границы. Это подчеркивает необходимость их дальнейшего изучения. Если влияние национальных стереотипов и «тени прошлого» на межгосударственные отношения и не является «белым пятном» мировой истории, то оно все же заслуживает большего внимания.

Список сокращений

МО – международные отношения.
CAB – Cabinet Papers.
CID – Committee of Imperial Defence.
DD – Documents Diplomatiques.
FO – Foreign Office.
NA – National Archives of Great Britain.

Библиография

1. Бурдые П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Джексон Д. Послевоенный мир. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 196 с.
3. Ллойд Джордж Д. Мир ли это? – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
4. Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 122-142.
5. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918-1923. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 468 с.
6. Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation. / Ed. by A. Sharp and G. Stone. – New York: Routledge, 2000. – 355 p.
7. Baldwin Papers: a Conservative Prime Minister, 1908-1947 / Ed. by P. Williamson and E. Baldwin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 526 p.
8. Britain, France and the Entente Cordiale since 1904. / Ed. by A. Capet. – Basingstoke: Palgrave, 2006. – 225 p.
9. Cairns J.C. A Nation of Shopkeepers in Search of a Suitable France: 1919-40. // The American Historical Review. – 1974. – Vol. 79. – No. 3. – P. 710-743.

10. Chamberlain A. Great Britain as a European Power // *Journal of the Royal Institute of International Affairs*. – 1930. – Vol. 9. – No. 2. – P. 180-188.
11. Clayton A. Growing Respect: the Royal Navy and the Marine Nationale, 1918-1939 // *Anglo-French Defence Relations between the Wars*. / Ed. by M.S. Alexander, W.J. Philpott. – Basingstoke: Palgrave, 2002. – P. 26-48.
12. Documents Diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 – 7 décembre 1923). – Paris: Imprimerie Nationale, 1924. – 271 p.
13. Documents diplomatiques français. 1920. Tome II. – Paris: Imprimerie Nationale, 1999. – 688 p.
14. Documents on British Foreign Policy. Series Ia. Vol. IV. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1971. – 713 p.
15. Gibson R. Best of Enemies: Anglo-French Relations since the Norman Conquest. – London: Sinclair, 1995. – 326 p.
16. Hanks R.K. Georges Clemenceau and the English // *The Historical Journal*. – 2002. – Vol. 45. – No. 1. – P. 53-77.
17. Jeffery K., Sharp A. Lord Curzon and Secret Intelligence / *Intelligence and International Relations, 1900-1945* / Ed. by C. Andrew, J. Noakes. – Exeter: University of Exeter Press, 1987. – P. 103-126.
18. Jordan N. The Reorientation of French Diplomacy in the mid-1920s: the Role of Jacques Seydoux // *English Historical Review*. – 2002. – Vol. 117. – No. 473. – P. 867-888.
19. Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion?' French Perceptions of Britain as an Ally after the First World War. // *Intelligence and National Security*. – 1998. – Vol. 13. – No. 1. – P. 37-52.
20. Keiger J.F.V. Raymond Poincaré. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 424 p.
21. Legro J.W., Moravcsik A. Is Anybody Still a Realist? // *International Security*. – 1999. – Vol. 24. – No. 2. – P. 5-55.
22. Mc Kercher B.J.C. Austen Chamberlain and the Continental Balance of Power: Strategy, Stability, and the League of Nations, 1924-1929 // *Diplomacy & Statecraft*. – 2003. – Vol. 14. – No. 2. – P. 207-236.
23. Neilson K., Otte A. The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854-1946. – New York: Routledge, 2009. – 364 p.

24. Reiter D. Learning, Realism, and Alliances: The Weight of the Shadow of the Past // World Politics. – 1994. – Vol. 46. – No. 4. – P. 490-526.
25. Tabouis G. Perfidious Albion – Entente Cordiale. – London: Butterworth, 1938. – 310 p.
26. Vasquez J. The War Puzzle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 378 p.
27. Waltz K.N. International Politics Is Not Foreign Policy // Security Studies. – 1996. – Vol. 6 – No. 1 – P. 54-57.
28. Wolfers A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

The role of national stereotypes and "shadow of the past" in the Anglo-French relations in the 1920's

Magadeev Iskander Eduardovich

Post-graduate student,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
P.O. box 119992, No. 27/4, Lomonosovskii ave., Moscow, Russia;
e-mail: iskander2017@yandex.ru

Abstract

The article considers the role and nature of the impact of national stereotypes and historic experience on the Anglo-French relations in the 1920's. Basing on the materials of British National Archives and French diplomatic documents the author reveals the negative effect of the above-mentioned factors and identifies their place in the whole picture of military and political relations of the two states. He concludes that though national stereotypes and historical experience were not decisive factors in the Anglo-French relations their impact cannot be neglected: they served as one of the principal sources of mutual suspect

and distrust, they hamper the understanding of each state's interests, and finally, they had the potential to obtain their "own momentum" after the conflicts are over.

Keywords

Stereotypes, past, French, British, international relations.

Bibliography

1. Bourdieu, P. (1994), *Principium [Nachala]*, Socio-Logos, Moscow, 288 p.
2. Jackson, D. (1937), *The world after the war [Poslevoenniy mir]*, Sotsekgiz, Moscow, 196 p.
3. Lloyd, George D. (2009), *Is it a real peace? [Mir li eto?]*, Librokom, Moscow, 248 p.
4. Lipkin, M.A. (2007), "Twenty first century according to Greenwich: Britain in search of the post-imperial identity", in Tishkov, V.A., Shnirel'man, V.A. *Nationalism in the world history ["Dvadtsat' pervyy vek po Grinvichu: Britaniya v poiskakh post-imperskoi identichnosti"]*, v: *Natsionalizm v mirovoi istorii. Pod red. V.A. Tishkova, V.A. Shnirel'mana*, Nauka, Moscow, pp. 122-142.
5. Fomin, A.M. (2010), *War with continuation. Great Britain and France in struggle for "Ottoman heritage". 1918-1923. [Voina s prodolzheniem. Velikobritaniyai Frantsiya v bor'be za "Osmanskoe nasledstvo". 1918-1923]*, Dmitry Pozharsky University publishing house, Moscow, 468 p.
6. Sharp, A., Stone, G. (2000) *Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation*, Routledge, New York, 355 p.
7. Williamson, P., Baldwin, E. (2004) *Baldwin Papers: a Conservative Prime Minister, 1908-1947*, Cambridge University Press, Cambridge, 526p.
8. Capet, A. (2006) *Britain, France and the Entente Cordiale since 1904*, Palgrave, Basingstoke, 225p.
9. Cairns, J.C. (1974), "A Nation of Shopkeepers in Search of a Suitable France: 1919-40", *The American Historical Review*, Vol. 79, No. 3, pp. 710-743.
10. Chamberlain, A. (1930), "Great Britain as a European Power", *Journal of the Royal Institute of International Affairs*, Vol. 9, No. 2, pp. 180-188.

11. Clayton, A. (2002), "Growing Respect: the Royal Navy and the Marine Nationale, 1918-1939", in Alexander M.S., Philpott W.J. *Anglo-French Defense Relations between the Wars*, Palgrave, Basingstoke, pp. 26-48.
12. Ministère des Affaires étrangères (1924), *Documents Diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 – 7 décembre 1923)*, Imprimerie Nationale, Paris, 271 p.
13. Ministère des Affaires étrangères (1999), *Documents diplomatiques français. 1920*, tome II, Imprimerie Nationale, Paris, 688 p.
14. Her Majesty's Stationery Office (1971), *Documents on British Foreign Policy*, Series Ia, Vol. IV, Her Majesty's Stationery Office, London, 713 p.
15. Gibson, R. (1995), *Best of Enemies: Anglo-French Relations since the Norman Conquest*, Sinclair, London, 326 p.
16. Hanks, R.K. (2002), "Georges Clemenceau and the English", *The Historical Journal*, Vol. 45, No. 1, pp. 53-77.
17. Jeffery, K., Sharp A. (1987), "Lord Curzon and Secret Intelligence", in Andrew C. and Noakes J. *Intelligence and International Relations, 1900-1945*, University of Exeter Press, Exeter, pp. 103-126.
18. Jordan, N. (2002), "The Reorientation of French Diplomacy in the mid-1920s: the Role of Jacques Seydoux", *English Historical Review*, Vol. 117, No. 473, pp. 867-888.
19. Keiger, J.F.V. (1998), "Perfidious Albion" French Perceptions of Britain as an Ally after the First World War", *Intelligence and National Security*, Vol. 13, No. 1, pp. 37-52.
20. Keiger, J.F.V. (2002), *Raymond Poincaré*, Cambridge University Press, Cambridge, 424p.
21. Legro, J.W., Moravcsik, A. (1999), "Is Anybody Still a Realist?" *International Security*, Vol. 24, No. 2, pp. 5-55.
22. McKercher, B.J.C. (2003), "Austen Chamberlain and the Continental Balance of Power: Strategy, Stability, and the League of Nations, 1924-1929", *Diplomacy & Statecraft*, Vol. 14, No. 2, pp. 207-236.
23. Neilson, K., Otte, A. (2009), *The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854-1946*, Routledge, New York, 364 p.

24. Reiter, D. (1994), "Learning, Realism, and Alliances: The Weight of the Shadow of the Past", *World Politics*, Vol. 46, No. 4, pp. 490-526.
25. Tabouis, G. (1938), *Perfidious Albion – Entente Cordiale*, Butterworth, London, 310 p.
26. Vasquez, J. (1993), *The War Puzzle*, Cambridge University Press, Cambridge, 378 p.
27. Waltz, K.N. (1996), "International Politics Is Not Foreign Policy", *Security Studies*, Vol. 6, No. 1, pp. 54-57.
28. Wolfers, A. (1962), *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*, The Johns Hopkins Press, Baltimore, 283 p.